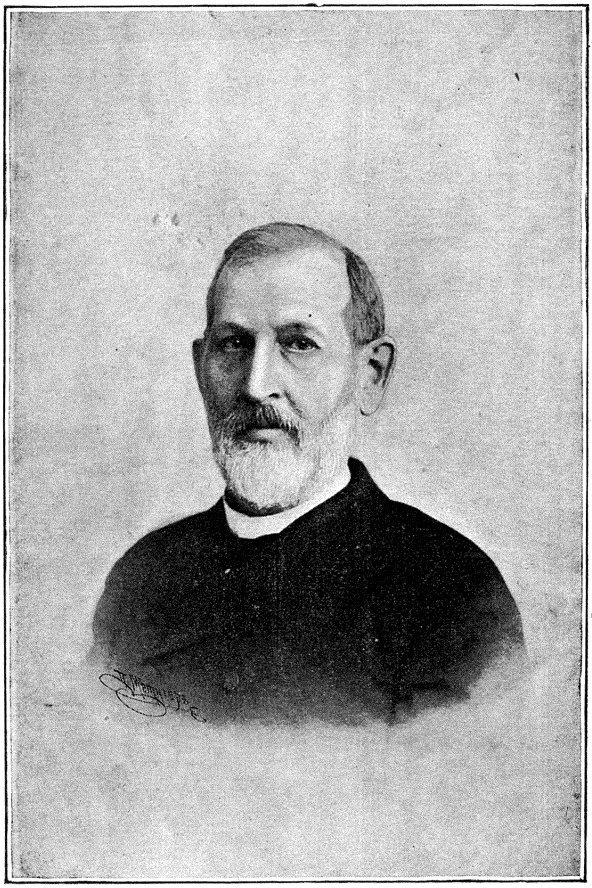

Ѳ. И. БУСЛАЕВЪ.

(1818 — 1897).

Шейкин, В

Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

(1818—1897).

I.

Среди замѣчательнаго поколѣнія образованныхъ людей, обезпечившаго за Россіею лучшіе результаты научной и общественной мысли Запада, наблюдаются, сообразно природнымъ склонностямъ и направленію интересовъ различныхъ дѣятелей, извѣстныя умственныя группы и отдѣльно стоящія личности. Къ послѣднимъ принадлежитъ характерная личность недавно скончавшагося Ѳедора Ивановича Буслаева. Жизнь и дѣятельность его представляютъ примѣръ счастливаго, ничѣмъ не нарушаемаго развитія своеобразныхъ природныхъ дарованій и рано сложившихся склонностей. Это свободное, безпрепятственное развитіе, а равно и необычайно цѣльный и простой складъ личности Буслаева существенно облегчаютъ оцѣнку его научной и общественной заслуги. «Имя г. Буслаева,—писалъ въ 1891 году одинъ изъ лучшихъ историковъ нашего новѣйшаго развитія,—уже теперь становится почетнымъ историческимъ именемъ: рѣдко дѣятельность ученаго бываетъ въ такой степени вся проникнута однимъ общимъ настроеніемъ, и рѣдко это настроеніе бываетъ въ такой степени одушевлено возвышеннымъ идеализмомъ, въ которомъ народолюбіе подкрѣпляется благородными внушеніями науки» [1]).

Природа надѣлила Буслаева прямою, искреннею натурою и живою впечатлительностью, а судьба поставила его въ условія, содѣйствовавшія спокойному развитію умственныхъ интересовъ. Рѣдкая жажда знанія и любовь въ наукѣ были результатомъ этихъ условій и, по справедливому признанію самого Буслаева, «наполнили всю его жизнь».

Внѣшняя судьба этой жизни чрезвычайно проста. Буслаевъ родился въ полупомѣщичьей, получиновничьей семьѣ, вполнѣ обезпеченной. Рано потерявъ отца, онъ провелъ дѣтскіе и отроческіе годы въ Пензѣ, гдѣ его мать поселилась вскорѣ по смерти мужа. Вліяніе матери является главнымъ и благотворнымъ въ теченіе этихъ лѣтъ жизни Буслаева. Воспоминанія сына и сохранившіяся собственныя письма ея рисуютъ ее женщиной простого, но твердаго нравственнаго склада, патріархально и

[1]) А. Н. Пыпинъ: „Исторія русской этнографіи“, т. II. 73.

*

тепло религіозной, надѣленной доброю и спокойною натурою, большимъ здравымъ смысломъ и извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ. Дочь армейскаго офицера, участвовавшаго въ суворовскомъ походѣ черезъ Альпы, она вышла замужъ четырнадцати лѣтъ, а черезъ семь лѣтъ, двадцати одного года отъ роду, осталась вдовою съ пятилѣтнимъ сыномъ—будущимъ ученымъ. Черезъ два года она снова вышла замужъ, но бракъ этотъ былъ несчастливъ. Вотчимъ Буслаева втянулся въ безпорядочную жизнь и, разстроивъ состояніе жены, умеръ черезъ пять лѣтъ, въ холеру 1830 года, когда Буслаеву было двѣнадцать лѣтъ. Печальная судьба семьи только способствовала сближенію матери съ сыномъ. Мать Буслаева дѣлила съ нимъ всѣ его умственные интересы и до самой смерти съ пониманіемъ слѣдила за его развитіемъ. Послѣ смерти вотчима семья вернулась къ своему прежнему быту, причемъ небольшіе остатки прежняго состоянія позволили матери Буслаева заняться его образованіемъ. Настойчивая забота о воспитаніи сына не оставляла ее до самой смерти, послѣдовавшей въ 1836 году. Еще въ 1835 году Буслаевъ-студентъ совѣтовался съ матерью относительно направленія своихъ занятій.

Мать Буслаева имѣла, повидимому, вполнѣ ясное понятіе и объ его умственномъ складѣ, и общемъ характерѣ его дарованія: «Боюсь, не охладилъ бы онъ васъ,—пишетъ она о сынѣ родственницамъ въ Москву,—онъ холоденъ и угрюмъ. Извиняйте ему, если вы его найдете такимъ: это его характеръ; и его, кромѣ наукъ, ничто, кажется, не разгорячитъ». Въ воспоминаніяхъ Буслаева находимъ также слѣдующій характерный разсказъ. Въ 1834 году, пріѣхавъ въ Москву для свиданія съ сыномъ, мать Буслаева вошла однажды къ нему, когда онъ по черновому наброску составлялъ послѣднюю лекцію Погодина. Она поинтересовалась содержаніемъ работы и, подробно разсказывая ей содержаніе лекціи, Буслаевъ, незамѣтно для себя самого, одушевился до такой степени, что изъ роли студента перешелъ въ роль профессора, принявъ осанку, жесты и голосъ Погодина. «Матушка слушаетъ и смотритъ на меня, любуется—и наконецъ, не вытерпѣла, расхохоталась, обнимаетъ и цѣлуетъ. Вотъ вамъ первый опытъ, которымъ я дебютировалъ свое призваніе на университетскую каѳедру»,—замѣчаетъ по этому поводу самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Дѣйствительно, въ этой сценѣ съ матерью мы уже видимъ будущаго энтузіаста-профессора, навсегда сохранившаго свой юношескій жаръ къ наукѣ.

Воспоминанія Буслаева даютъ намъ чрезвычайно опредѣленное представленіе объ его развитіи въ теченіе жизни въ Пензѣ. Буслаевъ сообщаетъ, между прочимъ, подробное описаніе своей домашней библіотеки, домашнихъ литературныхъ чтеній и гимназическаго курса. Чтеніе нерѣдко чрезвычайно сильно дѣйствовало на воображеніе впечатлительнаго подростка, его чувство напрягалось до крайности и разрѣшалось горькими слезами. Большую часть поэтическихъ произведеній Буслаевъ читалъ вмѣстѣ съ матерью, которую называлъ позднѣе, на ряду съ учителемъ русскаго языка, своимъ главнымъ воспитателемъ и наставникомъ въ литературѣ. Она и ея сынъ уже увлекались новыми вѣяніями русскаго романтизма, и Жуковскій былъ ихъ лю-

бимымъ поэтомъ на ряду съ Козловымъ и Батюшковымъ. Наконецъ, по признанію самого Буслаева, чрезвычайно воспитательное вліяніе имѣли на него альманахи того времени, особенно *Полярная Звѣзда* Бестужева. Въ ея выпускахъ будущій ученый находилъ образчики всего лучшаго, что создавалось тогда въ русской литературѣ и впервые выходило въ свѣтъ именно на страницахъ этого сборника: и стихотворенія Пушкина, и басни Крылова, отрывки классическихъ переводовъ Жуковскаго, а также интересные критическіе обзоры. То была для молодого Буслаева «безподобная хрестоматія современной русской литературы, въ высокой степени наставительная и столько же плодотворная своимъ художественнымъ обаяніемъ».

Десяти лѣтъ Буслаевъ поступилъ въ пензенскую гимназію, порядки и бытъ который съ такою рельефностью очерчены въ его воспоминаніяхъ. Гимназическій курсъ (это было въ 1828 году) продолжался тогда только четыре года и состоялъ изъ четырехъ классовъ съ тремя уроками въ день; уроки были двухчасовые и располагались отъ 8—12 и 2—4 ч. Двухчасовой урокъ давалъ много простора практическимъ занятіямъ. Учителю предоставлялось очень подробно и не спѣша излагать содержаніе руководства и заставлять учениковъ по нѣскольку разъ пересказывать это изложеніе, такъ что къ концу класса заданный урокъ былъ уже готовъ и не требовалъ затверживанья на дому. Особенно удавался этотъ методъ въ урокахъ математики, логики и риторики. Послѣдніе два предмета вызывали живѣйшій интересъ въ ученикахъ, и упражненія въ риторическихъ фигурахъ и схемахъ формальной логики надолго обращались въ любимую игру гимназистовъ. Уроки русской исторіи проходили въ чтеніи «Исторіи государства Россійскаго» Карамзина, а уроки русской словесности—въ чтеніи писателей, не только старыхъ—Ломоносова, Державина Фонвизина, но также новѣйшихъ, какими тогда были Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ. Общій въ то время обычай составлять себѣ рукописные сборники, объясняемый рѣдкостью книгъ, былъ распространенъ и въ пензенской гимназіи. Въ такихъ рукописныхъ копіяхъ въ гимназіи стали извѣстны Буслаеву, между прочимъ, «Думы» Рылѣева и «Горе отъ ума».

Это преобладающее господство литературныхъ вкусовъ среди учащейся молодежи, сосредоточивавшееся на русской словесности, хорошо извѣстно изъ исторіи русской средней и высшей школы начала столѣтія. Въ пензенской гимназіи повторялось лишь то же самое явленіе, которое въ болѣе характерной формѣ обнаружилось въ исторіи начальныхъ выпусковъ царскосельскаго лицея. Почти совершенная невозможность иныхъ умственныхъ интересовъ, кромѣ литературныхъ, и вниманіе, которое обращала школа того времени на стилистическія занятія, направляли тогда въ область литературы рядъ живыхъ и способныхъ дѣятелей. Буслаевъ подробно описываетъ страсть къ писательству, которая была вызвана въ пензенскихъ гимназистахъ ихъ преподавателемъ словесности. Досугъ и свобода, являвшіеся при отсутствіи строгаго надзора и систематическихъ занятій, еще болѣе заставляли учениковъ сосредоточиваться на

этихъ любительскихъ литературныхъ интересахъ. «Практическій методъ, обусловливаемый двухчасовымъ урокомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ,—давалъ много льготы и учителю, и ученикамъ, которая могла бы вести къ полезнымъ результатамъ, если бы не была злоупотребляема: большую часть времени въ гимназіи мы проводили сами по себѣ, такъ сказать по способу взаимнаго обученія, безъ надлежащаго руководства и наблюденія со стороны учителей. Мы слушали, что одинъ изъ насъ читалъ, а то и сами читали, каждый про себя, или же что-нибудь списывали, переводили съ иностранныхъ языковъ на русскій, изготовляли свои сочиненія». Между тѣмъ учителя смежныхъ классовъ разговаривали между собою, прохаживаясь взадъ и впередъ. Исключеніе изъ этихъ порядковъ составляли уроки Зоммера, которому Буслаевъ, по собственному признанію, обязанъ отчетливымъ знаніемъ нѣмецкаго языка. Если къ картинѣ этого «добровольнаго обученія» присоединить свободу внѣкласснаго времени,—дѣтскія забавы сообща, катанье съ горъ зимою или игры въ недалекой рощѣ лѣтомъ, загородныя экскурсіи, набѣги на сосѣдніе сады и неисчерпаемыя шалости,—намъ станетъ понятною горячая привязанность, которую пензенскіе гимназисты питали къ своей гимназіи. «И какъ же мы любили свою милую гимназію!—восклицаетъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Мы считали ее своею собственностью, которую никто не думалъ отнимать у насъ, потому тогда еще не было ни классныхъ надзирателей и наблюдателей, ни инспекторовъ, ни всякой другой напасти. Въ стѣны гимназіи манили насъ рѣзвыя наши сходбища для игръ и забавъ; тутъ же былъ сборный пунктъ, откуда направлялись наши увеселительныя похожденія».

По окончаніи гимназическаго курса Буслаевъ еще одинъ годъ оставался въ Пензѣ. Для университетскаго экзамена онъ долженъ былъ пополнить свои гимназическія свѣдѣнія. Постоянное желаніе будущаго студента было сдѣлаться медикомъ, чтобы обезпечить независимое положеніе любимой матери; но эта послѣдняя находила сына по характеру и по дарованіямъ рѣшительно неспособнымъ ни къ изученію анатоміи и хирургіи, ни къ суровымъ практическимъ обязанностямъ врача. Она прочила его въ филологи и всѣми силами содѣйствовала поступленію сына именно въ московскій университетъ, о благотворномъ вліяніи котораго она со свойственнымъ ей здравымъ смысломъ заключала изъ примѣра одного изъ своихъ пензенскихъ знакомыхъ. Мать Буслаева дѣйствительно сумѣла воспользоваться оставшимся годомъ для пополненія образованія своего сына. Она пригласила въ домъ въ качествѣ воспитателя одного изъ лучшихъ преподавателей пензенской семинаріи, который между прочимъ ознакомилъ своего ученика съ нѣкоторыми философскими предметами семинарскаго курса. Философія явилась весьма существеннымъ добавленіемъ къ гимназическимъ интересамъ Буслаева и въ этотъ годъ весьма сильно приковала къ себѣ его живую любознательность.

Вотъ какъ самъ Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ подводитъ итоги своему школьному обученію: «Оно состояло изъ двухъ періодовъ—изъ гимназическаго и семинарскаго. Оба они были организованы и приведены

въ стройный порядокъ предусмотрительными заботами и бдительнымъ попеченіемъ моей матушки. Вотъ почему съ живѣйшею признательностью всегда вспоминалъ я и теперь вспоминаю о моемъ школьномъ обученіи. Оно пробудило во мнѣ любовь къ наукѣ, которая потомъ навсегда сдѣлалась предметомъ и цѣлью моей жизни».

II.

Осенью 1834 года Буслаевъ сдалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число студентовъ словеснаго факультета.

Годы студенчества Буслаева, 1834—1838 гг., были предверіемъ, знаменательной эпохи въ жизни московскаго университета. Въ 1835 году появился первый контингентъ молодыхъ профессоровъ, только что возвратившихся изъ-за границы, а одновременно съ ними—новый попечитель, гр. С. Г. Строгановъ, столь извѣстный въ лѣтописяхъ московскаго университета, и новый инспекторъ студентовъ П. С. Нахимовъ, симпатичная личность котораго до сихъ поръ живетъ въ воспоминаніяхъ старыхъ студентовъ. Самъ Буслаевъ раздѣляетъ на три категоріи тогдашнихъ профессоровъ филологическаго факультета. Первую составляли старики. „Къ старшему поколѣнію,—читаемъ мы въ „Воспоминаніяхъ„ Буслаева,—относятся профессора съ самаго начала нашего столѣтія. Какъ люди, отжившіе свой вѣкъ, они удивляли и забавляли насъ своей оригинальностью и разными причудами вмѣстѣ съ патріархальною простотою въ обращеніи съ студентами“. Лекціи всѣхъ этихъ профессоровъ становились ареной самыхъ невѣроятныхъ продѣлокъ, въ которыхъ юношеская шалость соединялась съ протестомъ противъ рутины и непроизводительной траты учебнаго времени. Представителемъ средняго поколѣнія профессоровъ въ запискахъ Буслаева является извѣстный И. И. Давыдовъ Въ то время онъ читалъ теорію словесности по руководству Блера, которое онъ старался перестроить на новыхъ основаніяхъ философіи Шеллинга. Эти лекціи были полезны слушателямъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько нерѣдкими отступленіями въ область практическихъ вопросовъ стиля и современной литературы. Но все это было лишь продолженіемъ тѣхъ литературныхъ интересовъ и изученій, которыя начались для Буслаева еще въ пензенской гимназіи. Тѣ интересы, которые Буслаевъ вынесъ изъ московскаго университета, не могли зародиться на лекціяхъ Давыдова: Давыдовъ игнорировалъ старую, до-петровскую письменность и съ презрительнымъ снисхожденіемъ относился къ народнымъ элементамъ словесности. Однако по совѣту Давыдова Буслаевъ впервые познакомился съ такимъ филологическимъ сочиненіемъ, которое впослѣдствіи оказало рѣшающее вліяніе на его ученыя работы. То было изслѣдованіе Вильгельма Гумбольдта „О сродствѣ и различіи языковъ индогерманскихъ„. Третій отдѣлъ университетскихъ преподавателей, непосредственно предшествовалъ поколѣнію новыхъ профессоровъ, возвратившихся на глазахъ Буслаева изъ Германіи. Надеждинъ, Погодинъ и Шевыревъ были главными представителями этого третьяго

отдѣла и въ то же время главными учителями Буслаева. Изъ нихъ Шевыревъ имѣлъ особенно рѣшающее вліяніе на научные интересы Буслаева.

Дѣятельность Шевырева въ тѣ годы была чрезвычайно разнообразна. Въ первый годъ Шевыревъ читалъ обширный курсъ теоріи словесности соединявшійся съ практическими занятіями и изученіемъ исторіи стиля по памятникамъ, начиная съ лѣтописи Нестора и писателей XII вѣка и до Пушкина включительно. „Все это,— замѣчаетъ Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“,—низведенное теперь въ программу среднихъ учебныхъ заведеній, было тогда свѣжей новостью на университетской каѳедрѣ“. Лекціи Шевырева производили неизгладимое впечатлѣніе на Буслаева, и каждая изъ нихъ представлялась ему „какимъ-то просвѣтительнымъ откровеніемъ, дававшимъ доступъ въ неисчерпаемыя сокровища разнообразныхъ формъ и оборотовъ нашего великаго и могучаго языка“. Эти лекціи несомнѣнно отразились и на сочиненіи Буслаева „О преподаваніи отечественнаго языка“ (изд. 1844 г.). Тѣ же лекціи, повидимому не остались безъ вліянія и на возникновеніе того научнаго культа народности, которымъ проникнута вся ученая дѣятельность Буслаева. Шевыревъ былъ не менѣе полезенъ Буслаеву и своими чтеніями по исторіи иностранныхъ литературъ. Уже на первомъ курсѣ Буслаевъ наслаждался вышедшими въ печати лекціями Шевырева по литературамъ еврейской и индійской. Тутъ впервые зародилась въ Буслаевѣ мысль, позднѣе осуществленная,—учиться еврейскому языку и санскриту. Тогда же монографія Шевырева о Дантѣ обратила впервые взоры Буслаева къ автору „Божественной Комедіи“, которая на всю жизнь осталась однимъ изъ его глубокихъ и задушевныхъ интересовъ. Шевыревъ читалъ также теорію поэзіи въ ея историческомъ развитіи, а въ особомъ курсѣ греческой поэзіи онъ заинтересовалъ Буслаева изложеніемъ знаменитаго спора о происхожденіи и составѣ Гомеровскихъ поэмъ и въ то же время внушилъ ему мысль о литературномъ изслѣдованіи русскаго эпоса параллельно съ греческимъ. При Буслаевѣ Шевыревъ впервые сталъ читать и исторію русской литературы. Готовясь къ этимъ новымъ лекціямъ, Шевыревъ принужденъ былъ самъ отыскивать источники русской старины и народности по рукописямъ, старопечатнымъ книгамъ, народнымъ пѣснямъ и преданіямъ. Неослабный интересъ, возбуждаемый въ профессорѣ безпрестанными открытіями въ новой, еще вовсе не разработанной области науки, дѣйствовалъ на студентовъ обаятельной свѣжестью воодушевленія. Въ этихъ лекціяхъ Шевыревъ уже пользовался знаменитымъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ Кирѣевскаго. Всѣ эти курсы должны были чрезвычайно расширить литературный горизонтъ Буслаева и утвердить въ немъ живое сознаніе никогда не прекращавшагося вполнѣ воздѣйствія Запада на духовную жизнь Россіи, это сознаніе съ силой сказалось во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ Буслаева. Занимался ли онъ изслѣдованіемъ древнѣйшаго періода нашей письменности или разборомъ миніатюръ стараго русскаго апокалипсиса—Буслаевъ никогда не терялъ историческаго горизонта, съ особымъ чутьемъ находя западные источники различныхъ явленій русской литературы и искусства, или по крайней мѣрѣ важныя, освѣщающія параллели. Эта черта, еще

послѣдовательнѣе и строже развитая въ ученой дѣятельности Н. С. Тихонравова, можетъ быть возводима къ общей обоимъ научной школѣ.

Погодинъ имѣлъ для Буслаева важное значеніе своимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ первоисточниками русской древности и безчисленными указаніями практическаго характера. Погодинъ первый научилъ Буслаева читать и разбирать старыя рукописи, во множествѣ собранныя въ такъ называвшемся „погодинскомъ древлехранилищѣ“. Пользуясь трудомъ Буслаева при копированіи древнихъ рукописныхъ текстовъ, Погодинъ въ то же время посвящалъ своего ученика въ тайны палеографіи и дѣлалъ ему цѣнныя указанія относительно выбора чтенія. Такъ напр., заинтересовавшись въ лекціяхъ Погодина вопросомъ о скандинавскомъ происхожденіи Руси, Буслаевъ какъ-то обратился къ профессору за указаніями для изученія древнихъ скандинавскихъ нарѣчій. Погодинъ назвалъ ему грамматику Якова Гримма; „такимъ образомъ,—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, —изъ устъ Погодина впервые услышалъ я имя великаго германскаго ученаго, который своими многочисленными и разнообразными изслѣдованіями потомъ оказывалъ на меня такую обаятельную силу, такъ воодушевлялъ меня, что я сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданнѣйшихъ его послѣдователей“.

Новый періодъ московскаго университета, ознаменованный приливомъ молодыхъ ученыхъ силъ, приносившихъ съ собой послѣдніе результаты германской науки, сравнительно мало коснулся Буслаева. Лучшая общественно-воспитательная эпоха московскаго университета началась уже по выходѣ Буслаева. Весною 1838 г. окончилъ Буслаевъ свой университетскій курсъ, а осенью слѣдующаго года впервые появился въ университетѣ Грановскій. Но Буслаевъ вынесъ изъ университета значительныя филологическія познанія и довольно обширную общую и спеціальную подготовку для сравнительно-историческаго изслѣдованія русской древности. Шевыревъ и Погодинъ успѣли пробудить въ его отзывчивой душѣ то теплое, „гуманное“ отношеніе къ этой древности, которое позднѣе такъ поражало всякаго, приходившаго съ нимъ въ столкновеніе.

III.

Окончивъ въ московскомъ университетѣ курсъ съ степенью кандидата, Буслаевъ тотчасъ былъ рекомендованъ Давыдовымъ и Нахимовымъ въ качествѣ домашняго учителя гофмаршалу барону Л. К. Боде. Эта семья кромѣ личныхъ дружественныхъ связей дала Буслаеву первый педагогическій опытъ. Очень скоро молодой учитель пришелъ къ убѣжденію, что полученное имъ образованіе не давало педагогической подготовки. Онъ долженъ былъ самъ вырабатывать и методъ, и программу занятій; и пріемамъ, выработаннымъ имъ на урокахъ въ семьѣ Боде, Буслаевъ самъ придавалъ первостепенное значеніе для склада своихъ педагогическихъ взглядовъ, отразившихся всего полнѣе въ его книгѣ, уже разъ нами упомянутой,—«О преподаваніи отечественнаго языка». Книга эта не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ новой педагогической системы,

но она важна своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ школьной рутинѣ, своими усиліями ознакомить среднюю школу съ результатами, достигнутыми наукой, и дать учащимся свѣдѣнія, возбуждающія умственный интересъ и инициативу. Совершенно тотъ же характеръ носило преподаваніе Буслаева въ семьѣ Боде. Буслаевъ долженъ былъ готовить четырнадцатилѣтняго сына Боде въ пажескій корпусъ и заниматься русскимъ языкомъ съ его младшими сестрами. «Прежде всего,—читаемъ въ «Воспоминаніяхъ»,—надлежало воспитать охоту къ серьезнымъ занятіямъ и любовь къ наукѣ». Оба курса Буслаевъ основалъ на практическихъ началахъ класснаго чтенія образцовъ, разбора и свободной бесѣды. Извѣстно, что Буслаеву удалось пробудить въ ученикѣ своеобразный интересъ къ русской старинѣ, который выразился между прочимъ въ трудѣ по исторіи рода Колычевыхъ.

Къ тому же времени относится первое знакомство Буслаева съ официальными представителями учебнаго міра: въ томъ же 1838 году Буслаевъ получилъ уроки русскаго языка во 2-ой московской гимназіи. Учительство въ этой гимназіи, по свидѣтельству самого Буслаева, «прошло мимо него какъ тѣнь, не оставивъ по себѣ ни малѣйшаго слѣда». Но тѣмъ сильнѣе были впечатлѣнія административно-общественнаго характера. Служебныя отношенія въ гимназіи и формализмъ преподаванія видимо были не по характеру впечатлительнаго и подвижного ученаго. Настроеніе Буслаева въ теченіе всей этой зимы было удрученнымъ; онъ почувствовалъ наконецъ общій упадокъ силъ и великимъ постомъ совсѣмъ прекратилъ уроки въ гимназіи. Этотъ гимназическій эпизодъ и особенно вступительное объясненіе съ директоромъ оставили въ воспріимчивой душѣ Буслаева гораздо болѣе сильный слѣдъ, чѣмъ можно было предполагать. «Съ тѣхъ самыхъ поръ,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ»,—крѣпко засѣла во мнѣ инстиктивная боязнь передъ всякимъ начальствомъ». Неизвѣстно, какъ сложилась бы дальнѣйшая карьера Буслаева, если бы весною не наступилъ въ ней рѣшительный и благотворный переломъ.

IV.

«Въ концѣ мая, въ какой-то праздничный день, въ раннія обѣдни,—читаемъ мы въ «Воспоминаніяхъ» Буслаева,—разбудили меня, чтобы немедленно вручить мнѣ очень нужное письмо отъ инспектора студентовъ Нахимова. Въ короткихъ словахъ увѣдомлялъ онъ меня, чтобы сегодня же явился я въ девять часовъ утра къ попечителю, графу Строганову. Никакими словами не могу вамъ высказать того ужаса, какимъ поразило меня это нежданное и негаданное приглашеніе. Я чувствовалъ себя виноватымъ передъ гимназіею въ нерадѣніи и упущеніи по службѣ; я былъ въ отчаяніи, путаясь въ мысляхъ, какъ и что могу я сказать въ свое оправданіе. Я ждалъ грозной расправы и былъ убѣжденъ, что меня выгонятъ изъ службы или, по малой мѣрѣ, сошлютъ учителемъ куда-нибудь въ захолустье».

Эта тревожная неизвѣстность разрѣшилась приглашеніемъ сопровождать

семью попечителя въ двухлѣтнее заграничное путешествіе въ качествѣ домашняго учителя: Боде указалъ Строганову на Буслаева, какъ на лицо, могущее съ успѣхомъ исполнить такую обязанность. Такимъ образомъ, Буслаеву, послѣ тягостной зимы, снова возвращалась свобода преподаванія и кромѣ того предстояла заграничная поѣздка подъ руководствомъ одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени. Италія была главною цѣлью путешествія, сообразно съ чѣмъ искусство стало главною цѣлью будущихъ изученій Буслаева. Проѣздомъ знакомясь съ Германіей, молодой Буслаевъ не имѣлъ возможности вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ представителями германской науки и не испыталъ того особаго вліянія германской философской мысли, которому такъ много обязаны были молодые профессора, прибывавшіе съ 1835 года въ московскій университетъ.

Вотъ какъ описываетъ самъ Буслаевъ настроеніе одной части тогдашняго русскаго общества,—настроеніе, среди котораго покидалъ Россію и онъ: «Надъ умами и сердцами господствовалъ тогда мечтательный романтизмъ съ безотчетнымъ вѣрованіемъ во всевозможное и невозможное, съ выспренними полетами въ невѣдомыя таинственныя области, съ религіознымъ поклоненіемъ искусству для искусства. Обѣтованною землею для восторженныхъ душъ была тогда Италія, опустѣлая, убогая и порабощенная въ своемъ настоящемъ, и такъ неистощимо богатая и могущественная въ художественныхъ памятникахъ своего прошедшаго, будто необъятное кладбище всемірныхъ гигантовъ, сооружавшихъ нѣкогда столпотвореніе европейской цивилизаціи». По указанію профессора римской словесности Крюкова, Буслаевъ запасся въ Петербургѣ руководствомъ Отфрида Мюллера по археологіи искусства и еще во время пути погрузился въ изученіе этой книги.

Мы не будемъ останавливаться подробно на ходѣ итальянскихъ изученій Буслаева. Проведя половину своего заграничнаго пребыванія въ Неаполѣ и его окрестностяхъ, а другую въ Римѣ, Буслаевъ успѣлъ основательно ознакомиться съ художественными богатствами Италіи и изучалъ античную жизнь на мѣстѣ раскопокъ въ Помпеѣ. Воспоминанія Буслаева свидѣтельствуютъ о поразительномъ трудолюбіи и настойчивости молодого ученаго, проводившаго вечера за усвоеніемъ общихъ руководствъ по исторіи искусствъ, а все остальное, свободное отъ педагогическихъ занятій время изучавшаго художественные музеи и галлереи Италіи. Въ то же время Буслаевъ знакомился съ сокровищами старой итальянской литературы и одно время совершенно погрузился въ изученіе своего давняго любимца—Данта. Художественная пышность италіанскаго католицизма съ силой поражала его фантазію. Его религіозные интересы получали тотъ волнующій импульсъ, который былъ необходимъ для его натуры во всѣхъ сферахъ духовной дѣятельности. Встрѣчи съ знатоками искусства и постоянныя бесѣды съ Строгановымъ довершали эти впечатлѣнія и занятія. Извѣстно, что Строгановъ умѣлъ не только руководить уже развившимися интересами Буслаева, но старался привить ему новые, недостатокъ которыхъ онъ замѣчалъ въ талантливомъ учителѣ. Говоря объ одностороннемъ мечтательномъ энтузіазмѣ, которымъ были

проникнуты его изученія, вотъ что еще сообщаетъ Буслаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Разумѣется, и тогда были люди, которые иначе смотрѣли на вещи. Къ такимъ людямъ принадлежалъ графъ Сергѣй Григорьевичъ. Я уже говорилъ вамъ, какъ онъ преслѣдовалъ меня за глупое педантство въ непростительномъ равнодушіи къ красотамъ итальянской природы. Теперь въ Неаполѣ я давалъ ему новые поводы издѣваться и подсмѣиваться надо мною. Для него было странно и забавно мое полнѣйшее невниманіе къ событіямъ дня, къ разнообразнымъ интересамъ современности». Чтобы ознакомить Буслаева съ современною дѣйствительностью и политическимъ положеніемъ Италіи, Строгановъ совѣтовалъ ему читать газеты. Кромѣ того, онъ поручилъ Буслаева своему старшему сыну,—юристу и университетскому сверстнику будущаго ученаго. Молодые люди прошли вмѣстѣ нѣчто въ родѣ курса государственнаго права и политической исторіи Европы съ 1815 года. Буслаеву, по его собственному признанію, было чрезвычайно трудно вникать въ эти новые интересы; «по крайней мѣрѣ, замѣчаетъ онъ въ «Воспоминаніяхъ», мнѣ стало ясно унизительное положеніе бѣдной Италіи, которую поработили себѣ Габсбурги и Бурбоны».

По возвращеніи изъ-за границы, Буслаевъ сохранилъ занятія въ семьѣ попечителя и въ то-же время получилъ уроки въ 3-й московской гимназіи. Буслаевъ еще разъ обнаружилъ здѣсь неспособность подчинить свое дарованіе педагогической рутинѣ средней школы. Гимназическіе уроки стали для него источникомъ постоянныхъ волненій и пререканій съ начальствомъ. Будущее рисовалось Буслаеву въ мрачныхъ краскахъ. Фантастическіе планы возникали въ его умѣ: порой представлялась ему мысль навсегда порвать съ гнетущей обстановкой и, переселившись въ любимую Италію, повторить судьбу Винкельманна. Строгановъ подсмѣивался надъ Буслаевымъ и, продолжая руководить его занятіями, направлялъ его теперь на изученіе педагогической литературы. И позднѣе, уже оставивъ попечительство, Строгановъ продолжалъ сохранять самыя близкія отношенія къ Буслаеву и все свое вліяніе на него.

V.

Буслаевъ въ 1848 году вступилъ въ университетъ въ качествѣ сторонняго преподавателя, а съ 1861 года получилъ каѳедру, которую и занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Подобно своему предшественнику и учителю Шевыреву, Буслаевъ читалъ самые разнообразные курсы по исторіи языка и литературъ, нерѣдко переходя и въ область исторіи искусствъ. Буслаевъ профессоръ прежде всего старался передать своимъ слушателямъ новѣйшія руководящія идеи наукъ, составлявшихъ его спеціальность, и какъ можно болѣе разнообразнаго образовательнаго научнаго матеріала. Эпизодичность лекцій Буслаева хорошо извѣстна: свободная, увлекательная бесѣда о научныхъ предметахъ навсегда осталась для него любимой формой преподаванія. Самъ лекторъ постоянно переживалъ вновь юный жаръ своихъ «учебныхъ и странническихъ лѣтъ». Такая бе-

сѣда съ слушателями, прерванная на лекціи, возобновлялась часто на квартирѣ профессора, доступность и научная общительность котораго не имѣли границъ. Притягательная сила Буслаева, какъ профессора, заключалась въ чрезвычайно свободномъ проявленіи его личности,—горячей, искренней, всецѣло преданной служенію наукѣ, всегда витающей въ сферѣ художественныхъ представленій и гуманныхъ интересовъ. И печатные труды Буслаева, даже самые спеціальные, почти всегда носили тотъ же характеръ—одушевленной и свободной научной бесѣды. Случай сдѣлалъ пишущаго эти строки очевидцемъ послѣдней публичной лекціи Буслаева. То было на археологическомъ съѣздѣ 1890 года въ Москвѣ, когда маститый уже семидесятилѣтній ученый, уступая просьбамъ своихъ учениковъ, появился въ ихъ средѣ и нежданно увлекъ собравшуюся публику захватывающей бесѣдой о русскомъ искусствѣ,—бесѣдой чрезвычайно характерной для всей профессорской дѣятельности Буслаева. Въ то время зрѣніе уже замѣтно начинало измѣнять Буслаеву; но лицо его сохраняло живую игру чертъ, а рѣчь, торопливая и неровная—всю горячность отроческихъ интонацій. Престарѣлый ученый говорилъ о стилизаціи ландшафта въ рисункахъ стараго русскаго Апокалипсиса, гдѣ земная растительность изображается подчасъ однимъ огромнымъ зеленымъ листомъ, всѣ горы земли—какимъ-то кокошникомъ съ завитками по бокамъ, а вмѣстилища водъ—голубымъ многоугольникомъ съ колоссальной рыбой въ срединѣ. «Только такимъ смѣлымъ пріемомъ наивнаго иконописца,—замѣтилъ Буслаевъ,—возможно было вмѣстить необъятную громаду всей земли и моря въ малый клочекъ стилизованнаго ландшафта». Затѣмъ, противопоставляя этотъ суммарный пріемъ русскаго Апокалипсиса детальной манерѣ голландскихъ пейзажистовъ, Буслаевъ съ неожиданной силой вызвалъ въ умѣ слушателей два крайнихъ, характерныхъ полюса, между которыми вращаются всѣ человѣческія представленія о ландшафтѣ.

VI.

Историческая грамматика русскаго языка, историческіе очерки древнерусской народной словесности и искусства съ ихъ продолженіемъ—позднѣйшими сборниками статей и, наконецъ, изслѣдованіе и изданіе лицевого Апокалипсиса—вотъ капитальные труды, оставленные Буслаевымъ русской научной литературѣ. Духъ русскаго языка, древній бытъ народа и его вѣрованія—вотъ тѣ проявленія, въ которыхъ изучалъ восторженный изслѣдователь главный предметъ своихъ симпатій—русскую народность.

Огромное вліяніе школы Гримма на эти труды Буслаева составляетъ общепризнанный фактъ. Духовная связь между знаменитымъ германскимъ ученымъ и его русскимъ послѣдователемъ прекрасно освѣщена А. Н. Пыпинымъ въ его „Исторіи русской этнографіи“. Мы заимствуемъ изъ этой характеристики рядъ отрывковъ, опредѣляющихъ отношеніе Буслаева къ Гримму. Буслаевъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, примѣнялъ сравнительный и историческій методъ Гримма къ объясненію русскаго языка, его

звуковъ и формъ, изучалъ народную риторику и стилистику, извлекалъ изъ стараго народнаго языка матеріалы для исторіи быта военнаго, юридическаго, религіознаго, семейнаго, для опредѣленія языческихъ и христіанскихъ взглядовъ народа, разсматривалъ грецизмы и варваризмы стараго языка—какъ памятники его историческихъ сношеній и развитія. Впослѣдствіи ученая дѣятельность Буслаева состояла въ дальнѣйшемъ примѣненіи гриммовскаго метода къ старой русской народной словесности, быту и миѳологіи.

Вмѣстѣ съ научнымъ методомъ, Буслаевъ по свойству своего дарованія соединилъ и другую черту, отличавшую знаменитаго нѣмецкаго ученаго: Гриммъ не только критически, но фантазіей и поэтическимъ чувствомъ возстановляетъ любимую старину; подобная черта давала привлекательность и трудамъ Буслаева. Буслаевъ самъ называетъ себя ученикомъ Гримма, и, какъ замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ, взялъ Гримма въ руководители именно потому, что „*почитаетъ его начала самыми основательными и самыми плодотворными и для науки и для жизни*“. И эти слова Буслаева чрезвычайно характерны для его отношенія къ Гримму, ибо гриммовскій пріемъ заключаетъ въ себѣ не только научную теорію, но и нравственно-общественное направленіе. Приведенныя слова Буслаева показываютъ, что онъ именно понялъ или почувствовалъ это. Понятно, что Буслаевъ раздѣлялъ и многія научныя увлеченія Гримма,—его смѣлыя миѳологическія построенія и абсолютные историческіе выводы изъ данныхъ языка: вліяніе личности Гримма подавляло, примѣръ Гримма былъ поражающій: объясненія видѣлись близко, общій характеръ эпической старины казался разъ навсегда угаданнымъ.

Связь работъ Буслаева съ направленіемъ германскаго ученаго не была однако простымъ подражаніемъ, она имѣла болѣе глубокую причину: для нашего общественнаго образованія пришла тогда пора переживать то настроеніе, которое выразилось въ дѣятельности научно-романтической школы Гримма. Интересъ къ русской старинѣ широко распространялся и ранѣе Буслаева, но за неимѣніемъ научной и гуманитарной подкладки это стремленіе къ народности получало подчасъ самыя фальшивыя выраженія и примѣненія. Писатели прогрессивнаго направленія отвергали это извращеніе народности, которое было имъ слишкомъ очевидно; но, полагая всѣ свои силы на вопросы современной общественности и просвѣщенія, они относились къ народной старинѣ равнодушно, какъ къ пережитому прошедшему. Таковы были условія. Естественно было логически искать исхода изъ этихъ различно неудовлетворяющихъ точекъ зрѣнія на народность и когда въ противоположность всѣмъ этимъ крайностямъ или недоразумѣніямъ являлась гриммовская теорія, вооруженная научной силой, глубокимъ проникновеніемъ въ недоступныя ранѣе области старины и народной жизни, сознательнымъ возвеличеніемъ народно-поэтическаго содержанія, теплымъ отношеніемъ къ народу, какъ къ носителю этого содержанія,—эта теорія нашла отголосокъ и въ нашей литературѣ. Такой отвѣтъ съ русской стороны на ученіе Гримма и поданъ былъ всего болѣе—Буслае-

вымъ. Старина привлекала его совершенно такъ же, какъ и Гримма, интересомъ первобытнаго умственнаго и поэтическаго творчества, цѣльностью быта и общенароднаго міровоззрѣнія, выражавшейся въ той поэзіи которая одна была дѣйствительно народною, создавалась всѣми и каждымъ, заключала общія, всѣми испытанныя и провѣренныя чувства и поэтическія представленія. И вотъ, долго изучая старину, ея мрачныя и свѣтлыя явленія, Буслаевъ вынесъ убѣжденіе о существованіи въ этой старой жизни возвышенныхъ нравственныхъ идеаловъ; и онъ ревниво берегъ это убѣжденіе, пріобрѣтенное цѣною неустанныхъ изысканій. По убѣжденію Буслаева, совершенно справедливому,—этотъ міръ народнаго творчества, до тѣхъ поръ мало или совсѣмъ не сознаваемый или грубо объясняемый, долженъ былъ наконецъ войти въ кругъ понятій общества и и занять въ его литературныхъ идеяхъ подобающее мѣсто. [1])

Буслаеву было дано осуществить лучшія цѣли его жизни и съ удовлетвореніемъ оглянуться назадъ. Имя его задолго до смерти было окружено не только высокимъ уваженіемъ, но и теплой признательностью. Культъ Буслаева до конца дней его сохранялся въ многочисленной семьѣ его слушателей и слушательницъ. Доживая въ Москвѣ, на покоѣ, свои старческіе годы, вотъ что говорилъ онъ иногда посѣщавшимъ его друзьямъ и почитателямъ: „Если бы Провидѣніе судило мнѣ жить еще разъ и отъ меня зависѣлъ бы выборъ этой новой жизни, я не пожелалъ бы жизни иной, кромѣ той, которая прожита мною". Благородныя семейныя узы, раннее и свободное пробужденіе духовныхъ интересовъ, позднѣе—постоянное общеніе съ геніемъ искусствъ и наукъ, теплая любовь къ человѣчеству, свѣтившая ученому въ научномъ культѣ народности, и пробужденіе тѣхъ же чувствъ и интересовъ въ сотняхъ воспріимчивыхъ молодыхъ душъ—вотъ въ чемъ полагалъ счастье своей жизни Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

В. Щепкинъ.

[1]) А. Н. Пыпинъ. „Исторія русской этнографіи", т. II, 75—109.

Дозволено цензурою. Москва, 27 марта 1898 года.

Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Москва, д. Левенсонъ.